

ЛИССБЕТ КОТЦОВА

ЛЕКАРКА
ДЛЯ ДРАКОНА,
КОТОРЫЙ МЕНЯ
НЕ НАВИДИТ

16+

Лиссбет Котцова

**Лекарка для дракона,
который меня ненавидит**

«Литнет»

2026

Котцова Л.

Лекарка для дракона, который меня ненавидит / Л. Котцова —
«Литнет», 2026

Он считает меня убийцей своей жены. А я вижу, что его сына продолжают травить. В прежнем мире я работала врачом. Здесь очнулась в теле опальной лекарки, которая прислуживает в Академии военных драконов. Ректор грозит мне Судом Пламени и требует держаться подальше от его ребёнка. Но тело мальчика превращается в живое стекло, а придворные маги бессильны. Я узнаю симптомы и понимаю, что каждый потерянный день может стать последним. Чтобы спасти ребёнка, мне придётся нарушить запрет его отца и найти настоящую убийцу, которая всё ещё рядом. Я готова бороться за его сына. Но сможет ли дракон доверить мне самое дорогое, когда одно моё лицо напоминает ему о смерти жены?

© Котцова Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Очнуться виновной	5
Глава 2. Академия военных драконов	10
Глава 3. Ваши титулы не снижают температуру	16
Глава 4. Запретная башня	22
Глава 5. Ребёнок из стекла	28
Глава 6. Допрос ректора	36
Глава 7. Лекарское крыло	43
Глава 8. Зал Крыльев	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава 1. Очнуться виновной

Холод был первым.

Не боль, не страх, не чужие голоса — холод.

Он лежал под щекой грубым камнем, забивался под рёбра, стягивал пальцы, будто я пролежала на полу не минуту, а несколько часов. Я попыталась вдохнуть глубже и закашлялась. В горле жгло. Во рту стоял вкус крови и чего-то горького, травяного.

Я открыла глаза.

Потолок был низкий, тёмный, с мокрыми пятнами между каменными плитами. В углу дрожал синий огонёк — не лампа. Не свеча. Просто огонёк, висящий в воздухе, как застывшая капля пламени.

Я моргнула.

Нет.

Такого не бывает.

Последнее, что я помнила, — белый свет больничного коридора, крик медсестры, короткий писк монитора. Мужчина на каталке. Кровь на перчатках. Мой собственный голос:

— Адреналин. Быстро.

Потом удар. Резкий, ослепляющий. И темнота.

Я должна была быть в больнице.

На полу допросной я быть не должна была.

Я попыталась подняться, но руки не послушались. Тонкие, бледные, не мои. На запястье — тёмный металлический браслет, впившийся в кожу. По нему ползли мелкие красные искры, словно под металлом тлели угли.

Я застыла.

Это не мои руки.

У меня были другие. Шире ладонь, коротко стриженные ногти, маленький шрам у большого пальца — порезалась о разбитую ампулу два года назад.

А эти пальцы были тонкие, почти прозрачные. Ногти обломаны. На костяшках засохшая кровь.

Я медленно перевернула ладонь.

На коже проступал знак — тонкая чёрная линия, похожая на треснувшее кольцо.

— Очнулась, — сказал кто-то у двери.

Я резко повернула голову и тут же пожалела. Мир качнулся, в висках вспыхнула боль.

У стены стоял мужчина в тёмной форме. Высокий, широкоплечий, с коротким мечом у пояса. На груди — серебряная пластина с изображением дракона. Он смотрел на меня без жалости.

— Воды, — хрипло сказала я.

Голос тоже был не мой. Ниже. Слабее. С надрывом.

Стражник усмехнулся.

— Воды ей. Слышал, Бран?

Второй, сидевший у стола, поднял глаза от кружки.

— Может, ещё подушку? А то леди Вейн неудобно умирать на полу.

Леди Вейн?

Я опёрлась ладонями о камень и с трудом села. В животе потянуло болью, будто меня били. Не смертельно. Но методично.

— Кто вы? — спросила я. — Где я?

Стражники переглянулись.

Первый подошёл ближе. Сапоги глухо ударили по полу.

— Слушай, Лиара, — сказал он почти лениво. — Я понимаю, память у тебя удобная. Когда яд подмешивала — помнила. Когда госпожа Моргард умирала — помнила. А теперь вдруг забыла?

В груди стало пусто.

— Что?

— Не “что”, а “кого”, — бросил второй. — Леди Элиссу Моргард. Жenu ректора. Или имена мёртвых ты тоже вычёркиваешь?

Я смотрела на них и не понимала ни слова.

Элисса. Моргард. Ректор. Яд.

Это был бред. Галлюцинация после травмы. Кома. Сон. Что угодно.

Я вцепилась пальцами в край грязной рубахи, в которую было одето чужое тело, и заставила себя думать.

Имя. Они называли имя.

Лиара Вейн.

Не Анна Соколова.

Лиара.

— Мне нужен врач, — сказала я.

Оба рассмеялись.

Не громко. Устало. Так смеются люди, которые давно всё решили.

— Конечно, нужен, — сказал первый. — Только вот беда, Вейн. Лекарь здесь ты.

Я закрыла глаза.

Нет. Нет, нет, нет.

Я не верила в мистику. Не верила в переселение душ, судьбу, проклятия и прочую чушь, которой пациенты иногда объясняли диагнозы, пока болезнь спокойно делала своё дело.

Но холодный камень под ладонями был настоящим.

Кровь во рту — настоящая.

Боль — настоящая.

И чужие руки тоже.

Дверь резко открылась.

В комнату вошёл ещё один мужчина. Не стражник. Это стало ясно сразу — по тому, как оба у стены вытянулись и перестали улыбаться.

На нём была чёрная форма без лишних украшений. Высокий ворот, тёмные перчатки, серебряная застёжка у горла. Он вошёл тихо, но воздух будто стал тяжелее.

Я подняла голову.

И встретила с холодными серыми глазами.

Не злыми. Нет. Злость живая. Она горит, срывается, ошибается.

В его взгляде ничего не горело.

Там уже всё сгорело.

— Оставьте нас, — сказал он.

Стражники вышли сразу.

Дверь закрылась.

Я осталась на полу. Он — стоял. И это простое различие почему-то давило сильнее любых оков.

Мужчина смотрел на меня долго. Слишком долго. Так врач смотрит на снимок, где уже видит приговор, но ещё обязан проверить.

— Лиара Вейн, — произнёс он.

Я не ответила.

Имя отозвалось где-то внутри странным, глухим толчком. Тело знало его. Я — нет.

— Вы будете молчать? — спросил он.

— Я не знаю, кто вы.

Он чуть наклонил голову.

Не удивился. Не нахмурился. Только уголок губ стал жёстче.

— Новая игра?

— Это не игра.

Голос сорвался, и я ненавидела эту слабость. Ненавидела пол, холод, чужое тело, стражников за дверью и этого человека, который смотрел на меня так, будто я была грязным инструментом после вскрытия.

Он сделал шаг.

Я заставила себя не отпрянуть.

— Моё имя, — сказал он тихо, — Кайрен ар Моргард.

Моргард.

То же имя, что у мёртвой женщины.

Жены.

Я невольно посмотрела на его левую руку. Под краем перчатки на запястье чернела узкая печать. Она не была украшением. Скорее ожогом, который кто-то решил сделать вечным.

— Вы убили мою жену, — сказал он.

Просто.

Без крика.

И от этого стало страшнее.

— Я никого не убивала.

Он смотрел мне прямо в глаза.

— Эту фразу вы уже произносили. Перед дознавателями. Перед лекарями. Перед Судом Пламени.

Судом чего?

Я сглотнула.

— Послушайте меня. Я не понимаю, что происходит. Я очнулась здесь несколько минут назад. Я не знаю вашу жену. Не знаю это место. Не знаю, почему вы называете меня Лиарой.

— Удобно.

— Да плевать мне, удобно это или нет!

Слова вырвались резче, чем стоило. За дверью что-то глухо звякнуло — стражники услышали.

Кайрен не двинулся.

Только в его глазах на миг мелькнуло что-то светлое, почти серебряное. Не отражение огня. Что-то другое.

Я замолчала.

Он подошёл ближе и присел передо мной на корточки. Теперь наши лица были почти на одном уровне. От него пахло холодом, дымом и железом.

— Вы всегда хорошо лгали, Вейн, — сказал он. — Но раньше делали это тоньше.

Я сжала пальцы.

— А вы всегда выносите приговор до суда?

На секунду тишина стала такой плотной, что я услышала собственное дыхание.

Потом Кайрен медленно поднялся.

— Суд был.

У меня внутри всё оборвалось.

— И?

— Доказательств не хватило для казни.

Я почему-то рассмеялась. Коротко, хрипло, почти безумно.

— Какая удача.

Его взгляд стал ещё холоднее.

— Не называйте это удачей. Моя жена умерла три месяца назад. Вы были последней, кто давал ей лекарство. После её смерти вы попытались бежать. У вас нашли золото дома Сайр и записи, которые вы не смогли объяснить.

Каждое слово било точно.

Не в меня.

В женщину, чьё тело сейчас дрожало от холода.

— Я этого не помню, — сказала я тише.

— Значит, вспомните в Аркхольде.

— Где?

— В Академии военных драконов.

Я хотела спросить, что за академия, какие драконы, почему это вообще звучит так, будто я окончательно сошла с ума.

Но он продолжил:

— С этого дня вы возвращаетесь в лекарское крыло. Под надзор. Каждый ваш шаг будет записан. Каждое письмо прочитано. Каждая склянка проверена. Вы будете работать там, где сможете быть полезны и где я смогу видеть, если вы снова попытаетесь навредить моему дому.

Лекарское крыло.

Работать.

Значит, не казнят. Пока.

Я медленно выдохнула.

— Почему? Если вы уверены, что я убийца, зачем оставлять меня рядом?

Впервые его лицо изменилось.

Совсем немного.

Но я увидела.

Боль.

Не показную, не театральную. Глубокую, старую, зажатую так сильно, что она стала частью костей.

— Потому что вы знаете то, чего не сказали, — ответил Кайрен. — И потому что мёртвые не дают показаний.

Я опустила взгляд на свои руки.

Чужие руки.

Тонкие. В крови. С печатью.

Руки женщины, которую здесь ненавидели.

Я хотела сказать, что я не она. Что меня зовут Анна. Что я врач. Что ещё вчера — или минуту назад? — я стояла в реанимации и пыталась удержать жизнь в теле человека, которого привезли слишком поздно.

Но кому это сказать?

Мужчине, который уже похоронил жену?

Стражникам, которые называли меня отравительницей?

Миру, где синие огни висят в воздухе?

Я поднялась не сразу. Сначала упёрлась рукой в стену, переждала головокружение. Кайрен не помог. Просто смотрел.

И это почему-то вернуло мне злость.

Хорошо.

Если этот кошмар настоящий, значит, нужно действовать как в приёмном покое.

Сначала оценить состояние. Потом остановить кровотечение. Потом задавать вопросы.

Паника — потом.

— Мне нужна вода, чистая ткань и зеркало, — сказала я.

— Вы не в положении требовать.

— Я в положении человека с травмой головы, обезвоживанием и, возможно, внутренними повреждениями. Если хотите, чтобы я вспомнила хоть что-то, лучше не дать мне умереть от осложнений.

Он молчал.

Я выдержала его взгляд.

Секунда. Другая.

— Вы изменились, — сказал он наконец.

— Люди иногда меняются после смерти.

Я сказала это случайно.

Но Кайрен услышал.

Его глаза сузились.

— После чьей смерти, Вейн?

Я поняла, что ошиблась.

Слишком быстро. Слишком много.

Дверь снова открылась. Один из стражников заглянул внутрь.

— Лорд Моргард, карета готова.

Кайрен не сразу отвернулся от меня.

— Поднимите её, — приказал он.

Стражники вошли и схватили меня под руки. Я дёрнулась от боли, но удержалась на ногах.

Кайрен уже шёл к выходу, когда остановился у двери.

— Запомните одно, Вейн.

Я посмотрела на него.

Он стоял спиной к синему огню, и на мгновение его тень на стене показалась огромной. Нечеловеческой. С чем-то похожим на крылья.

— Если мой сын умрёт рядом с вами, — сказал Кайрен Моргард тихо, — Суд Пламени покажется вам милостью.

Сын.

У него был сын.

И этот ребёнок был болен.

Я не знала почему, но именно это пробило страх сильнее всего.

Не драконы. Не чужой мир. Не обвинение в убийстве.

Ребёнок.

Я сглотнула кровь и горечь.

А где-то глубоко внутри чужого тела, под болью и холодом, шевельнулось не моё воспоминание.

Тонкий детский кашель.

Женский шёпот.

И одно имя, произнесённое с отчаянием:

— Руэн...

Глава 2. Академия военных драконов

Карета тряслась так, будто меня везли не по дороге, а по чужим костям.

Каждый толчок отдавался в висках. В животе ныло, запястье под металлическим браслетом жгло. Я сидела у окна, прижавшись плечом к холодной стенке, и старалась не закрывать глаза.

Стоило закрыть — возвращался больничный коридор.

Белый свет. Кровь на перчатках. Чужой пульс под пальцами.

А потом — каменный пол, стражники и голос Кайрена Моргарда:

«Если мой сын умрёт рядом с вами...»

Я посмотрела на свои руки.

Тонкие. Чужие. На ногтях засохшая грязь. На левом запястье браслет с красными искрами.

Лиара Вейн.

Я повторила это имя про себя уже, наверное, сотый раз. Оно не становилось моим. Но тело отзывалось на него, будто где-то глубоко под кожей сидела память, которую у меня не спрашивали.

Напротив сидел мужчина со шрамом через бровь. Крепкий, молчаливый, в форме без лишних украшений. Он представился коротко:

— Капитан Дрейн Хольт. Внутренняя стража Аркхольда.

После этого не сказал почти ничего.

Я тоже молчала. Сил на разговоры не было.

За окном тянулись чёрные скалы. Небо висело низко, тяжёлое, серое. Ветер гнал по земле клочья тумана. Иногда из этого тумана поднимались тонкие башни сигнальных столбов, на вершинах которых горели синие огни.

Не факелы.

Не электричество.

Магия.

Я всё ещё пыталась найти рациональное объяснение. Сон. Кома. Травматический бред. Но боль была слишком последовательной. Холод — слишком настоящим. А стражник напротив слишком живым, чтобы быть декорацией моего умирающего мозга.

Карета резко пошла вверх.

Колёса застучали по камню. За окном открылась пропасть — глубокая, белая от тумана. Я невольно вцепилась в край сиденья.

Дрейн заметил.

— Первый раз видите Северный мост?

Я посмотрела на него.

— Допустим.

Он хмыкнул, но не улыбнулся.

— Тогда не смотрите вниз.

Разумеется, я посмотрела.

Мост был узкий, чёрный, словно вырубленный прямо из скалы. Под ним клубилась бездна. А впереди, на краю огромного утёса, стоял Аркхольд.

Академия военных драконов.

Не школа. Не университет.

Крепость.

Чёрные стены, высокие башни, зубчатые переходы, лётные площадки, похожие на каменные крылья. Над одной из башен медленно кружила тень. Сначала я решила, что это птица.

Потом тень раскрыла крылья.
Огромные.
Широкие.
Слишком большие для любой птицы.
У меня перехватило дыхание.
— Это... — начала я и сама замолчала.
Дрейн посмотрел в окно спокойно, будто видел такое каждый день.
— Старший курс крыла Пламени. Тренировка.
Тень ушла в облака.
Я сжала зубы.
Хорошо, Анна. Драконы. Значит, драконы. Паниковать будешь позже.
У ворот карета остановилась.
Снаружи ударил колокол — низко, гулко. Ворота открылись с таким звуком, будто скала нехотя разжала зубы.
Во внутреннем дворе было многолюдно.
Студенты в тёмных мундирах шли строем. У одних на воротниках алела красная вышивка, у других серебрилась, синела или чернела. Преподаватели стояли у колонн. Слуги спешили вдоль стен, стараясь не попадаться никому под ноги.
И все они смотрели на меня.
Сначала просто заметили карету.
Потом увидели браслет.
Потом — лицо.
Шёпот прошёл по двору быстрее ветра.
— Вейн...
— Её вернули?
— После всего?
— Убийца...
Я вышла из кареты не сразу. Ноги подогнулись, но я удержалась. Дрейн даже не попытался помочь. Только встал рядом — не как защитник, а как конвой.
Прекрасно.
Значит, статус понятен.
Я сделала шаг.
Что-то мокрое шлёпнулось передо мной на камень.
Грязная тряпка.
Кто-то из студентов тихо рассмеялся.
— Для лекарского крыла самое место, — сказал рыжеватый парень из толпы. Красная вышивка на воротнике, уверенная улыбка, слишком прямая спина. — Пусть сначала полы отмоет. После крови госпожи Моргард.
Двор замер.
Я посмотрела на тряпку. Потом на парня.
Можно было промолчать. Безопаснее. Разумнее. Я ещё не знала правил этого места.
Но голова болела, тело было чужим, меня второй раз за день называли убийцей, а терпение, как выяснилось, осталось моё.
— Если бросаете, — сказала я, — хотя бы попадайте. Для будущего военного навык полезный.
Улыбка парня стала тоньше.
Дрейн повернул голову ко мне.
— Вейн.
В его голосе было предупреждение.

Я послушно опустила взгляд.
Не из страха. Из расчёта.
Сейчас не время.

Нас провели через двор к боковому крылу. Чем дальше мы уходили от главных башен, тем меньше становилось полированного камня и больше сырости, облупленных стен, узких коридоров. Запах дыма сменился запахом трав, старого воска и крови.

Вот это я знала.
Не мир. Не магию. Не драконов.
А больничный запах.

Лекарское крыло находилось в стороне от остальных зданий, будто академия терпела его по необходимости. Дверь скрипнула. Внутри было тепло, но неприятно: воздух тяжёлый, застоявшийся. Где-то кипел травяной отвар. Где-то стонал человек. Где-то звякнул металл.

Я остановилась на пороге.
И сразу увидела слишком многое.

Грязные повязки в открытой корзине. Чистые — рядом, без крышки. На столе склянки без подписей. У окна лежал парень с перевязанной ногой; рядом, за тонкой ширмой, кто-то кашлял так, что любой нормальный врач давно бы разделил их по разным комнатам.

Инструменты лежали в лотке. Не стерильные. Просто протёртые.
Я медленно вдохнула.
Нет. Нет, это не больница.
Это склад последствий.

— Ваша комната там, — сказал Дрейн, указав на узкую дверь у стены. — Покидать лекарское крыло без разрешения запрещено. В башню ректора не входить. К студентам из крыла Пламени без вызова не подходить. Письма передавать только через стражу. Ночью дверь будет закрываться снаружи.

— Великолечно, — сказала я. — А завтрак по расписанию или тоже по приговору?
Он посмотрел на меня без улыбки.
— Вы живы, Вейн. Я бы начал с благодарности.
— Я врач. Я начинаю с осмотра.
— Вы опальная лекарка.
— Тем более.

На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усталость.
— Не испытывайте терпение лорда Моргарда.
— У него оно есть?

Дрейн ничего не ответил. Развернулся и ушёл к выходу. Но у двери остановился.
— Мастер Фальк скоро придёт. До его распоряжения ничего не трогайте.

Дверь закрылась.
Я осталась среди запахов, стонов и чужих взглядов.

У дальней полки стояла девушка. Невысокая, худенькая, с тёмной косой, из которой выбивались пряди. В руках она держала стопку белья и смотрела на меня так, будто я могла броситься и перегрызть ей горло.

— Ты кто? — спросила я.
Девушка вздрогнула, бельё чуть не выпало.
— М-мира, госпожа.
— Просто Мира?
— Мира Таль. Я... я помогаю в крыле.

Она говорила быстро, сбивчиво, не поднимая глаз.
Я устала от того, что меня боятся. Слишком устала, чтобы изображать мягкость.
— Вода есть?

— Д-да.

— Чистая?

Мира замялась.

Я закрыла глаза на секунду.

— Понятно. Самая чистая из доступной. И ткань. Тоже самую чистую.

Она кивнула и бросилась к двери, но уронила половину белья.

Я наклонилась помочь, и она отшатнулась.

Вот так.

Даже служанка боялась, что я прикоснусь к её руке.

Я выпрямилась.

— Я не кусаюсь, Мира.

Девушка побледнела ещё сильнее.

— Я знаю, госпожа.

Нет, не знала.

Я открыла дверь в выделенную мне комнату.

Комнатой это можно было назвать только из вежливости. Узкая кровать, стол, таз, маленькое мутное зеркало на стене. На крючке висел серо-зелёный халат лекаря. На подоконнике — засохший пучок трав. Воздух пах пылью и старой горечью.

Я подошла к зеркалу.

И впервые увидела Лиару Вейн.

Бледное лицо. Тёмно-каштановые волосы, спутанные, обрезанные неровно у плеч. Серо-зелёные глаза — слишком большие на исхудавшем лице. Синяк у скулы. Треснувшая губа. На щеке, чуть ниже ключицы, край какого-то белого шрама, уходящего под ворот рубахи.

Я коснулась зеркала пальцами.

— Ну здравствуй, — прошептала я чужому отражению.

Отражение смотрело устало и зло.

Почти честно.

Мира принесла воду через несколько минут. Поставила таз на стол и быстро отступила.

Я умылась. Вода сразу стала розовой.

— Здесь есть мыло?

— Мыло? — переспросила Мира.

— Чем вы моете руки перед перевязками?

Она замерла.

Этого хватило.

Я повернулась к ней.

— Мира.

— Да, госпожа?

— Перед перевязками руки моют?

— Иногда... если есть время.

Я медленно выдохнула.

Очень медленно.

Паника потом.

Крик потом.

Сначала — понять масштаб катастрофы.

— А инструменты?

— Их протирают настоем горькуши.

— Кипятят?

— Зачем?

Я села на край кровати и засмеялась. Тихо. Без радости.

Мира смотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Простите, госпожа...

— Не извиняйся. Ты не виновата.

— В чём?

— Вот именно.

Ответить я не успела.

Из коридора послышались шаги. Шаркающие, тяжёлые. Затем в комнату без стука вошёл пожилой мужчина в старом лекарском халате. Худой, сутулый, с длинными пальцами, испачканными травяными пятнами. От него пахло дымом, спиртом и усталостью.

Он окинул меня взглядом с головы до ног.

— Значит, всё-таки вернули.

— Вы мастер Фальк?

— Оррен Фальк, если вам вдруг снова удобно помнить имена. Начальник этого крыла. И сразу договоримся, Вейн: я не знаю, что задумал лорд Моргард, но здесь вы будете делать только то, что я разрешу.

Я поднялась.

— Тогда начнём с простого. У вас грязные инструменты, смешанные пациенты и склянки без подписей.

Мира тихо ойкнула.

Оррен медленно повернул голову к полкам. Потом обратно ко мне.

— Три месяца в заключении не сделали вас скромнее.

— Зато, видимо, здесь за три месяца никто не умер от инфекции только чудом.

— От чего?

Я посмотрела на него.

Он не издевался.

Он правда не понял.

И это было хуже.

— От грязи, мастер Фальк.

Его лицо стало каменным.

— В этом крыле лечили драконорождённых, когда вы ещё торговались с Сайрами за место у постели леди Моргард.

Имя Элиссы ударило по комнате, как брошенный нож.

Мира втянула голову в плечи.

А у меня внутри снова шевельнулась чужая тень. Женский голос. Синий флакон. Детский кашель.

Я моргнула — и всё исчезло.

— Возможно, — сказала я. — Но сейчас я вижу не прошлое. Я вижу корзину с грязными повязками рядом с чистыми.

Оррен прищурился.

— Осторожнее, Вейн. В вашем положении лучше не раздражать тех, кто решает, останутся ли у вас бинты, вода и крыша над головой.

— В моём положении лучше не умереть от заражения из-за чужой гордости.

Он шагнул ближе.

— Вы всегда были дерзкой. Но раньше хотя бы понимали, где ваша выгода.

— Может, мне надоело.

— Лгать?

— Выживать на чужих правилах.

Мы смотрели друг на друга несколько секунд.

Потом из главного зала донёсся крик.

Не стон. Не жалоба.

Крик человека, которому больно так, что он уже не может держать лицо.

Дверь распахнулась. В лекарское крыло вбежали двое студентов в тёмной форме. Между ними провисал третий — высокий парень с красной вышивкой на воротнике. Его правая рука была обожжена до плеча, но кожа не просто почернела.

Под ней тлело красное свечение.

Как угли под тонким слоем пепла.

Запахло палёной плотью и раскалённым металлом.

— Мастер Фальк! — выкрикнул один из студентов. — Он сорвался на тренировке! Пламя ушло внутрь!

Оррен резко выпрямился.

— На стол его. Быстро.

Парня уложили. Он бился, стиснув зубы, но из горла всё равно вырывался низкий рваный звук. На обожжённой руке светящиеся трещины ползли выше, к шее.

Оррен схватил синюю склянку.

— Подавитель ядра. Мира, ремни.

Я увидела, как у пострадавшего сбилось дыхание. Слишком частое. Поверхностное. Губы сереют. Зрачки расширены. Трещины идут не по коже — глубже.

Если сейчас влить ему что-то, что “подавляет ядро”, не понимая, как это действует...

— Стойте, — сказала я.

Оррен даже не повернулся.

— Уйдите.

— Нельзя давать это вслепую.

— Вейн!

— У него дыхание срывается. Сначала воздух, потом всё остальное.

Один из студентов зло посмотрел на меня.

Это был тот самый рыжеватый парень со двора.

— Ты к нему не подойдёшь, убийца.

Я встретила его взгляд.

— Тогда он умрёт красиво. Вам так больше нравится?

Парень дёрнулся, будто хотел ударить.

Оррен поднял склянку над губами раненого.

И в этот момент обожжённый студент выгнулся дугой. Из его руки вырвался тонкий язык красного пламени и ударил в край стола.

Дерево вспыхнуло.

Мира закричала.

Я схватила ближайшую тряпку, опрокинула в таз с водой и бросилась к огню.

Потом к студенту.

Паника потом.

Споры потом.

Сначала — дыхание.

— Мира! — крикнула я. — Воду. Много. И чистую ткань. Сейчас!

Глава 3. Ваши титулы не снижают температуру

— Мира! — крикнула я. — Воду. Много. И чистую ткань. Сейчас!

Девушка застыла у стены, бледная, как мел.

— Сейчас! — повторила я.

Она сорвалась с места.

На столе бился раненый студент. Его держали двое, но толку было мало: каждый раз, когда он дёргался, из обожжённой руки вырывалась красная искра и шипела на дереве.

Запах палёной кожи стал таким густым, что у меня самой свело горло.

Оррен Фальк схватил синюю склянку.

— Держите ему голову.

— Нет, — сказала я.

Он даже не посмотрел.

— Вейн, отойдите.

— Если вы сейчас вольёте это, он может перестать дышать.

— Это подавитель ядра.

— А у него уже дыхание срывается!

Оррен резко повернулся.

— Вы три месяца провели в заключении, а до этого едва не угробили леди Моргард. Не вам учить меня лечить драконорождённых.

Один из студентов возле стола зло оскалился.

— Дайте ей попробовать, мастер. Пусть добьёт. Будет привычно.

Я узнала его. Рыжеватый. Тот, что бросил тряпку во дворе.

Очень хотелось ответить.

Но парень на столе умирал.

Я наклонилась к раненому. Лицо пепельно-серое. Губы синели. Дыхание частое, поверхностное. Пульс на шее — быстрый, неровный.

— Как его зовут?

Никто не ответил.

Я подняла глаза.

— Как его зовут?!

Рыжий сжал челюсть.

— Риан Марн.

Не знатный, значит. Фамилия простая. Может, поэтому они принесли его сюда так поздно.

Я наклонилась к самому уху раненого.

— Риан. Слышишь меня?

Он застонал.

— Хорошо. Значит, слышишь. Дыши. Не глубоко. Просто за мной.

Он не мог.

Грудная клетка ходила рвано, будто внутри что-то мешало воздуху пройти.

— Расстегните ворот.

— Что? — студент растерялся.

— Ворот. Расстегните. Он задыхается.

— У него ядро горит, а не ворот!

Я сорвала застёжку сама. Пальцы дрожали, но не от страха. От злости и слабости чужого тела.

На груди Риана под кожей вспыхивали красные прожилки. Не сердце. Ниже. Там, где у человека ничего подобного быть не должно.

Пламенное ядро.

Ладно.

Новый орган. Новые правила.

Но дыхание оставалось дыханием.

— Его нельзя заливать магией, — сказала я. — Сначала охлаждаем поверхность, убираем всё, что сдавливает, следим за дыханием.

Оррен фыркнул.

— Охлаждать внутренний выброс? Вы с ума сошли?

— Не ядро. Ткани вокруг. Он перегревается. Вы видите кожу? Трещины идут вверх. Если отёк дойдёт до горла, ваш подавитель уже некому будет глотать.

Оррен замолчал.

Всего на миг.

Но я увидела: услышал.

Мира принесла ведро воды и стопку ткани. Половина ткани выглядела сомнительно чистой, но выбирать было не из чего.

— Это самая чистая? — спросила я.

Она кивнула.

— Хорошо. Кипяток есть?

— В отварной.

— Неси. И нож.

— Нож?

— Мира!

Она снова убежала.

Рыжий студент сделал шаг ко мне.

— Ты не будешь резать его.

— Буду, если ткань прилипла к ожогу.

— Он маг!

— Он пациент.

— Он студент Аркхольда!

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Ваши титулы не снижают температуру.

Он замолчал.

Не потому, что согласился. Потому что не нашёл, чем ударить сразу.

Оррен всё ещё держал склянку, но уже не лил. Его пальцы побелели.

— Что вы хотите делать?

В его голосе не было доверия.

Но был вопрос.

Этого хватило.

— Сначала стабилизировать дыхание. Потом убрать обугленную ткань. Охладить края ожога. Не лить подавитель, пока он не сможет глотать и пока мы не поймём, что он не остановит ему дыхание.

— Вы говорите так, будто знаете, что делаете.

— Я знаю, как не дать человеку умереть за ближайшие пять минут.

— А дальше?

Я на секунду задержала взгляд на красных трещинах под кожей.

— Дальше будем разбираться с вашим пламенным ядром.

Слово “вашим” прозвучало странно. Нелепо. Но сейчас было не до этого.

Мира принесла нож и чайник с кипятком. Я выхватила у неё нож, обдала лезвие кипятком.

Оррен дёрнулся.

— Вы испортите сталь.

— Зато не внесу грязь в рану.

— Грязь не вызывает магический ожог.

— Зато может добить того, кто его переживёт.

Он опять замолчал.

Я разрезала рукав Риана. Ткань местами вплавилась в кожу. Парень выгнулся, но крик застрял у него в горле.

— Держите крепче, — бросила я студентам.

Рыжий держал. Зло, но держал.

Я работала быстро. Слишком быстро для этого тела. Перед глазами пару раз темнело, но руки помнили. Не эти руки — мои. Настоящие.

Срезать ткань. Не тянуть. Не отрывать. Убрать сдавление. Проверить дыхание. Пульс. Цвет губ.

Риан закашлялся.

Хорошо.

Кашель — это воздух.

— Вот так, — сказала я ему. — Дыши. Злись, если можешь. Злость помогает.

— Кто... — выдохнул он.

— Потом спросишь.

Красное свечение под кожей стало чуть слабее, но не исчезло. Пламя всё ещё жило внутри руки, будто кто-то насыпал под кожу угли.

Оррен осторожно подошёл ближе.

— Если не дать подавитель, выброс может пойти к сердцу.

— Сколько у нас времени?

— Мало.

— Сколько?

Он сжал губы.

— Если трещины дойдут до ключицы — минуты.

Я посмотрела. До ключицы оставалось совсем немного.

— Тогда дайте меньше.

— Что?

— Меньше дозу. Не полную.

— Это не настой от кашля, Вейн.

— А он не учебник, мастер Фальк. Он живой. И сейчас полная доза может быть слишком большой.

Оррен смотрел на меня так, будто я сказала ересь.

Может, и сказала.

Но потом он взял чистую ложку, отмерил из склянки совсем немного и поднёс к губам Риана.

— Если он умрёт...

— Не тратьте время на угрозы. Поддержите ему голову.

Оррен поддержал.

Я почти улыбнулась, но вовремя остановилась.

Риан сглотнул с трудом. Один раз. Второй. Часть лекарства стекла по подбородку, Мира тут же промокнула тканью.

Мы ждали.

Секунда.

Вторая.

Третья.

Красные трещины под кожей дрогнули. Одна погасла. Потом ещё одна.

Риан судорожно вдохнул.

И наконец закричал.

Громко, хрипло, по-настоящему.

Мира всхлипнула.

Я выдохнула.

Если кричит — дышит.

Если дышит — боремся дальше.

— Ещё рано расслабляться, — сказала я. — Нужна сухая чистая повязка. Не эта. Та, что сверху в стопке. И уберите грязное ведро от стола.

Мира кивала так быстро, что коса хлестнула по плечу.

Оррен осторожно осматривал руку Риана. Его лицо было хмурым, но уже не таким непробиваемым.

— Свечение уходит, — сказал он тихо.

— Уходит не значит прошло. Ему нужен покой, вода маленькими глотками и наблюдение.

Если снова начнёт синеть — зовёте меня.

Рыжий студент резко поднял голову.

— Тебя?

— Меня.

— С чего бы нам звать убийцу?

Я устала.

До такой степени, что голос стал совсем ровным.

— Потому что ваш друг жив.

Он хотел ответить, но посмотрел на Риана.

Тот лежал бледный, мокрый от пота, с закрытыми глазами. Дышал. Плохо, с хрипом, но дышал.

Рыжий сжал кулаки.

— Это ничего не меняет, Вейн.

— Для меня меняет. Минус один труп на сегодня.

Оррен резко посмотрел на меня.

Я поняла, что прозвучало грубо. Слишком грубо для них. Возможно, жестоко.

Но в больнице иногда говорили и хуже. Когда сутки без сна, когда кровь под ногтями, когда вытаскиваешь человека не для красивой благодарности, а просто потому, что так надо.

Риан вдруг шевельнул пальцами здоровой руки.

— Воды... — прошептал он.

Я кивнула Мире.

— По чуть-чуть. Не заливать.

Девушка поднесла чашку. Руки у неё тряслись, но она справилась.

В дверях собрались люди. Слуги, студенты, кто-то из преподавателей. Все смотрели. Кто-то шептался.

Слух уже побежал по академии.

Лиара Вейн спасла студента.

Убийца лечит.

Смешно.

Оррен накрыл рану повязкой. Делал это аккуратно, опытно. Не дурак. Не мясник. Просто человек, который всю жизнь работал по правилам своего мира.

Он поднял на меня глаза.

— Вы где этому научились?

Вопрос был опасный.

Я вытерла пальцы о влажную ткань. На коже осталась чужая кровь. Риана. Лиары. Моя? Уже не разобрать.

— Долго объяснять.

— У нас, кажется, будет время.

— Не уверена.

Он понял, что ответа не будет.

И не стал давить. Пока.

— Мира, — сказал Оррен, не отводя от меня взгляда. — Чистую простыню. И запиши время выброса.

Мира растерялась.

— Записать?

— Как госпожа Вейн велела. Каждую травму теперь будем записывать. Видимо, у нас революция.

В его голосе было раздражение.

Но не только.

Я села на ближайший стул. Ноги внезапно стали ватными. Перед глазами поплыли тёмные пятна.

Мира заметила первой.

— Госпожа?

— Всё нормально.

Разумеется, это была ложь.

Меня мутило. Голова раскалывалась. Тело Лиары явно пережило за последние дни больше, чем могло вынести. А я только что заставила его работать, как своё.

Рыжий студент подошёл ближе. Уже без прежней усмешки, но всё ещё с ненавистью.

— Если он умрёт ночью...

— Тогда хотя бы будете знать, что днём вы все сделали для этого максимум, — сказала я.

Он прищурился.

— Ты всегда так разговариваешь?

— Когда мне мешают спасать людей — да.

— Его зовут Риан Марн. Запомни.

— Я уже запомнила.

Он будто не ожидал этого.

Потом резко отвернулся и вышел.

Остальные начали расходиться. Шёпот остался, но стал другим. Не мягче. Нет. Просто осторожнее.

Мира принесла простыню и вдруг тихо сказала:

— Вы правда не дали ему умереть.

Я посмотрела на неё.

— Пока не дала.

— Но мастер Фальк сказал, свечение ушло.

— Это не значит, что всё хорошо.

— А что значит?

Я устало потерла переносицу.

— Что у нас появился шанс.

Она кивнула, будто это было что-то важное.

Оррен возился у стола, но я чувствовала: слушает.

За окнами лекарского крыла уже темнело. Синие огни во дворе загорались один за другим. Их свет ложился на каменный пол холодными пятнами.

Риан спал. Дышал неровно, но сам.

Я сидела рядом, потому что уйти не могла. Не потому, что он был моим пациентом официально. В этом мире у меня вообще ничего официального не было, кроме обвинения.

Просто если человек вытащен с края, первые часы важнее всего.

Мира принесла мне кружку какого-то травяного настоя.

— Это можно пить? — спросила я.

Она испугалась.

— Я... думаю, да.

Я понюхала. Горько, терпко, без сладкого запаха яда — насколько я вообще могла здесь судить.

— Спасибо.

Мира чуть расслабилась.

Только я сделала первый глоток, как где-то далеко, за стенами лекарского крыла, раздался крик.

Детский.

Тонкий.

Такой, от которого у меня внутри всё сжалось раньше, чем я успела подумать.

Кружка дрогнула в пальцах.

Крик повторился. Уже слабее. Потом его оборвал глухой звон, будто треснуло стекло.

В лекарском крыле все замерли.

Оррен медленно поднял голову.

Мира побледнела так, что веснушки на носу стали ярче.

— Что это? — спросила я.

Она не ответила.

— Мира.

Девушка сглотнула.

— Это молодой лорд.

Я встала.

Слишком резко. Мир качнулся, но я удержалась за край стола.

— Сын ректора?

Мира кивнула.

Издали снова донёсся крик.

И в нём было не просто больно.

В нём было мало воздуха.

Я уже шла к двери, когда Оррен схватил меня за локоть.

— Даже не думайте.

Я посмотрела на его руку. Потом на него.

— Он задыхается.

— Вам запрещено приближаться к башне ректора.

— Мне много чего запрещено.

— Вейн, если вы пойдёте туда без приказа, лорд Моргард вас уничтожит.

Крик оборвался.

Тишина стала хуже.

Я высвободила руку.

— Пусть сначала подождёт своей очереди.

Глава 4. Запретная башня

— Пусть сначала подождёт своей очереди.

Я сказала это Оррену и вышла в коридор.

Не побежала. Бежать не смогла бы — ноги ещё дрожали после Риана, голова гудела, а тело Лиары словно всё время напоминало: оно не моё и работает на честном слове.

Но я шла быстро.

Крик больше не повторялся.

И именно это было хуже всего.

В больнице тишина после крика редко означала хорошее. Иногда человек просто терял силы. Иногда — сознание. Иногда — дыхание.

— Вейн! — Оррен догнал меня у поворота. — Вы с ума сошли?

— Возможно.

— В башню ректора вас не пустят.

— Значит, пусть не пускают быстро. Мне нужно услышать, что с ребёнком.

— Вам нужно вернуться в лекарское крыло.

— Мне нужно туда, где пациент.

Он схватил меня за плечо. Не грубо, но крепко.

— Это не ваш пациент.

Я обернулась.

— Если он задыхается, он чей угодно.

Оррен открыл рот, чтобы ответить, но в конце коридора уже показались двое стражников. Один из них — Дрейн Хольт. Широкий, мрачный, будто вырос из той же чёрной стены, у которой стоял.

— Назад, Вейн, — сказал он.

— Мне нужно в башню ректора.

— Вам запрещено.

— Я слышала крик ребёнка.

— В башне есть свои лекари.

— Тогда почему он кричит так, будто ему нечем дышать?

Лицо Дрейна не изменилось. Но взгляд стал тяжелее.

— Назад.

Я сделала ещё шаг.

Стражники одновременно взяли за рукояти мечей.

Оррен тихо выругался у меня за спиной.

— Послушайте, капитан, — сказала я, стараясь говорить ровно. — Я не пытаюсь сбежать. Не пытаюсь никого отравить. Я хочу понять, что с ребёнком. Если помощь не нужна — меня вернёте обратно. Хоть в кандалах.

— Вы не приблизитесь к молодому лорду.

— Почему?

Дрейн посмотрел на меня так, будто вопрос был глупым.

— Потому что в последний раз, когда вам доверили жизнь семьи Моргард, умерла леди Элисса.

Удар был точный.

Я на секунду потеряла дыхание.

Не от вины. Я всё ещё не помнила Элиссу, не знала, что сделала Лиара и сделала ли. Но тело отреагировало раньше меня: в груди кольнуло, пальцы похолодели, а перед глазами мелькнуло что-то синее.

Флакон.

Женская рука.

Шёпот:

«Не ему... только не ребёнку...»

Я моргнула — и коридор вернулся.

Дрейн заметил.

— Что с вами?

— Потом.

— Вейн.

— Потом, сказала я.

Издалека донёсся новый звук. Не крик. Тонкий звон, будто кто-то провёл ножом по стеклу.

Оррен побледнел.

Дрейн резко повернул голову в сторону башни.

Вот теперь я увидела страх.

Не на лице. Лицо у капитана осталось каменным. Но пальцы на рукояти меча сжались так, что побелели костяшки.

— Это нормальный симптом? — спросила я.

Оррен не ответил.

Этого хватило.

— Пропустите меня.

— Нет.

— Тогда позовите того, кто имеет право приказать.

— Лорд Моргард уже знает.

— Значит, тем более.

Дрейн шагнул ко мне почти вплотную.

— Ещё один шаг — и я свяжу вас.

— Связывайте по дороге.

— Вы не понимаете, с кем спорите.

— Понимаю. С человеком, который боится нарушить приказ сильнее, чем опоздать.

Тишина стала опасной.

Оррен за моей спиной тихо сказал:

— Вейн, хватит.

Но было поздно.

Дрейн наклонился ближе. В его глазах не было злости. Только усталость и что-то тяжёлое, старое.

— Я уже однажды пропустил не того человека в башню, — сказал он низко. — Второго раза не будет.

Слова прозвучали странно.

Слишком лично.

Я запомнила их, хотя сейчас было не время разбирать.

Из бокового прохода послышались быстрые шаги. По коридору почти бежала женщина в тёмном платье, с ключами у пояса. Лицо строгое, волосы убраны так гладко, будто ни одна прядь не имела права на свободу.

Она остановилась перед Дрейном.

— Капитан. Мастер Фальк. Лорд Моргард требует настой чёрной горечавки и охлаждающие пластины. Немедленно.

Оррен вздрогнул.

— Чёрная горечавка? При стеклянной лихорадке?

Женщина посмотрела на него холодно.

— Я передаю приказ.

— Кто назначил? — спросила я.

Она будто только теперь заметила меня. Взгляд скользнул по лицу, браслету, грязному халату.

И стал ледяным.

— Вейн.

Одно слово. Как плевок, только приличный.

— Кто назначил горечавку? — повторила я.

— Вы не имеете права спрашивать.

— А ребёнок имеет право дышать.

Женщина побледнела от возмущения.

— Как вы смеете...

— Легко. Что у него сейчас? Жар? Судороги? Холодная кожа? Дыхание поверхностное?

Звон перед приступом?

Оррен медленно повернул ко мне голову.

Женщина не ответила, но её молчание стало ответом.

Я сделала шаг ближе.

— Чёрная горечавка снижает жар?

— Она успокаивает ядро, — резко сказал Оррен, уже думая не обо мне, а о симптомах.

— Иногда.

— Если у него приступ не от жара, а от спазма и нехватки воздуха, вы можете успокоить его до остановки.

— Вы не знаете стеклянную лихорадку, — сказал он.

— Я знаю ребёнка, который кричал, а потом замолчал.

Женщина с ключами сжала губы.

— Капитан, уберите её.

Дрейн шагнул ко мне.

В этот момент коридор наполнился другим холодом.

Не сквозняком.

Присутствием.

Все обернулись почти одновременно.

Кайрен Моргард шёл от главной лестницы. Быстро, но без суеты. Чёрная форма, тёмные перчатки, лицо — будто высечено из камня. Только глаза выдавали, что внутри у него сейчас не камень.

Пожар.

— Где настой? — спросил он.

Никто не поклонился. Все будто просто стали ниже.

Оррен взял себя в руки первым.

— Сейчас приготовят, лорд Моргард.

Кайрен заметил меня.

На короткое мгновение в коридоре стало совсем тихо.

— Почему она здесь?

Дрейн выпрямился.

— Нарушила распоряжение. Пыталась пройти к башне.

Кайрен посмотрел на меня.

Если бы взглядом можно было закрывать двери, я бы уже стояла за семью замками.

— Верните её в крыло.

— У вашего сына проблемы с дыханием, — сказала я.

Оррен шумно втянул воздух.

Дрейн едва заметно повернул голову ко мне: молчи.

Я не стала.

— Я слышала крик. Потом звон. Потом тишину. Женщина с ключами не ответила, значит, симптомы похожи. Если вы дадите чёрную горечавку вслепую, можете ухудшить состояние.

Кайрен сделал шаг.

— Вы будете говорить мне, как лечить моего сына?

— Я буду говорить вам, что вижу.

— Вы его не видели.

— Поэтому и прошу пустить.

Его лицо не изменилось, но воздух вокруг стал тяжелее. Синий огонь в настенном светильнике дрогнул и потемнел.

Оррен тихо сказал:

— Лорд Моргард, она сегодня стабилизировала внутренний выброс у студента Марна.

Кайрен даже не посмотрел на него.

— Я слышал.

Значит, уже доложили.

Хорошо.

И плохо.

— Тогда вы знаете, что я не просто шумлю, — сказала я.

— Я знаю, что вы умеете быть полезной, когда вам выгодно.

Слова ударили сильнее, чем должны были.

Я сделала вдох.

— Сейчас мне выгодно не умереть от вашей руки. Но я всё равно стою здесь и спорю.

Его глаза вспыхнули серебром.

Дрейн шагнул между нами.

— Лорд Моргард...

Кайрен поднял руку, и капитан замолчал.

— Вы не приближаетесь к Руэну, — сказал Кайрен.

Имя прозвучало впервые не в чужом воспоминании, а вслух.

Руэн.

Тонкий кашель внутри моей головы снова царапнул память. Детская ладонь. Тёплая. Слабая.

Я удержалась за край стола, стоявшего у стены.

Кайрен заметил это.

— Что с вами?

— С вашим сыном, — сказала я. — Что с ним?

— Не смейте.

— Он посинел?

Тишина.

— У него холодная кожа?

Женщина с ключами отвернулась.

— Трещины под кожей светятся сильнее перед приступом?

Оррен прошептал:

— Откуда вы...

— Он перестал кричать, потому что потерял силы или сознание?

Кайрен оказался рядом так быстро, что я не успела отступить. Его рука сжала моё плечо. Не до хруста, но достаточно, чтобы тело Лиары вспомнило боль.

— Ещё одно слово о моём сыне как о вашем пациенте, — сказал он тихо, — и я забуду, что вы нужны мне живой.

Я посмотрела ему в глаза.

Было страшно.

Очень.

Но за моей спиной в лекарском крыле дышал Риан. Живой. Потому что я не отступила.

А где-то в башне ребёнок мог перестать дышать, пока взрослые охраняли правила.

— Вы можете ненавидеть меня сколько угодно, — сказала я. — Но ненависть не откроет ему дыхательные пути.

Кайрен застыл.

На секунду я подумала, что он ударит.

Вместо этого сверху, со стороны башни, раздался глухой удар. Потом крик женщины. Потом тот самый звон — резкий, ломкий.

Кайрен отпустил меня и резко повернулся.

— Настой. Сейчас.

Оррен бросился к шкафу. Женщина с ключами — за ним. Дрейн уже двигался к лестнице.

Я пошла следом.

— Вейн! — рявкнул Дрейн.

Я не остановилась.

— Хотите связать — связывайте после.

Кайрен обернулся у лестницы.

— Стоять.

Я остановилась на одну секунду.

Тело дрожало. В висках стучало. Я понимала, что сейчас делаю глупость. Очень опасную. В этом мире у меня не было прав, друзей, статуса и даже собственного лица.

Но у меня были уши.

И я слышала, как кричит ребёнок.

— Нет, — сказала я.

Не громко.

Просто нет.

И пошла вверх.

Стражник попытался перехватить меня на втором пролёте. Я увернулась неуклюже, ударила плечом о стену, но не упала. Дрейн выругался. Оррен крикнул что-то вслед. Где-то впереди хлопали двери.

Лестница вывела в широкий коридор башни.

Здесь было теплее. Слишком тепло. Воздух пах воском, дорогими травами и чем-то сладковатым, приторным. На стенах горели синие светильники. Под ногами лежала тёмная дорожка, глушившая шаги.

В конце коридора была открытая дверь.

Оттуда шёл свет.

И хрип.

Тихий, детский, рваный.

Я рванулась туда.

Почти добралась.

Но чья-то рука схватила меня за запястье так резко, что браслет опальной вспыхнул болью.

Кайрен.

Он стоял между мной и дверью. Бледный от ярости. Или страха. Сейчас они в нём были почти одинаковыми.

— Я сказал, не подходить.

За его спиной кто-то торопливо говорил, Оррен требовал чашу, женщина с ключами плакала беззвучно. А сквозь всё это я слышала дыхание ребёнка.

Плохое.

Слишком частое.

Слишком мелкое.

Я перестала смотреть на Кайрена и посмотрела за его плечо.

На постели лежал мальчик.

Маленький. Худой. Белый, почти прозрачный в этом синем свете. На его шее и щеке проступали тонкие светящиеся трещинки, будто кожа была стеклом, которое вот-вот рассыплется.

Моё сердце ухнуло вниз.

Руэн.

Я не знала его.

Но тело Лиары — знало.

И я, Анна, знала этот звук.

Ребёнок не мог нормально вдохнуть.

— Отпустите, — сказала я.

Кайрен сжал запястье сильнее.

— Если вы тронете его...

— Он перестанет дышать раньше, чем вы закончите угрозу.

Его глаза полыхнули.

Я шагнула ближе, насколько позволила его рука, и сказала тихо, чтобы услышал только он:

— Вы можете наказать меня через пять минут. Сейчас он перестанет дышать.

Глава 5. Ребёнок из стекла

— Вы можете наказать меня через пять минут. Сейчас он перестанет дышать.

Кайрен не отпустил сразу.

Его пальцы сжимали моё запястье так крепко, что браслет опальной впился в кожу. В глазах ректора светилось серебро. Не отражение лампы. Не злость обычного человека.

Что-то другое.

Драконье.

Но за его спиной ребёнок снова попытался вдохнуть — коротко, с хрипом, будто воздух проходил через узкую щель.

И это решило всё.

Кайрен оттолкнул меня не в сторону, а вперёд.

— Один неверный шаг, Вейн...

— Потом, — бросила я и вошла в комнату.

Там было слишком тепло.

Первое, что я почувствовала, — тяжёлый, душный воздух. В комнате горели синие светильники, у стен стояли магические грелки, на подоконниках — чаши с травяным паром. От запахов кружилась голова: горечь, сладость, дым, воск, что-то молочное и приторное.

Слишком много всего.

На кровати лежал Руэн Моргард.

Семь лет. Может, меньше. Худой, почти невесомый под светлым одеялом. Тёмные волосы прилипли ко лбу. Кожа была такой бледной, что казалась прозрачной. Под ней тонкими линиями светились трещинки — на шее, у виска, на запястьях.

Красиво.

И страшно до тошноты.

Я видела детей в тяжёлом состоянии. Видела синюшные губы, запавшие глаза, маленькие ладони с катетерами. Но это было другое. Его будто ломали изнутри, медленно, осторожно, чтобы не убить сразу.

Рядом с кроватью стояли двое лекарей. Один держал чашу с тёмным настоем. Второй водил над грудью мальчика светящимся амулетом. При каждом движении трещины под кожей Руэна вспыхивали ярче.

— Уберите это, — сказала я.

Лекарь с амулетом замер.

— Что?

— Амулет. Отведите от него.

— Это стабилизатор ядра.

— Он реагирует хуже, когда вы подносите его ближе.

— Невозможно.

Я подошла к кровати.

Руэн дышал часто. Слишком часто. Губы бледные, с синеватым оттенком. Глаза полуоткрыты, но взгляд мутный. Он был здесь и не здесь одновременно.

Я наклонилась.

— Руэн? Слышишь меня?

Кайрен резко шагнул ближе.

— Не называйте его по имени.

Я не обернулась.

— Сейчас он должен за что-то держаться. Имя подходит.

Мальчик едва заметно шевельнул пальцами.

Слышит.

Хорошо.

— Руэн, я Лиара. Мне нужно, чтобы ты посмотрел на меня.

Его ресницы дрогнули.

Трещины под кожей снова вспыхнули — лекарь всё ещё держал амулет над грудью.

— Уберите, я сказала.

— Лорд Моргард? — лекарь растерянно посмотрел на Кайрена.

Я тоже посмотрела.

Кайрен стоял у двери, сжав руки в кулаки. Его лицо было страшным. Не жестоким — сдерживающимся. Человек, который хочет схватить сына на руки, сжечь всех вокруг и не может сделать ни того, ни другого.

— Уберите, — сказал он.

Лекарь опустил амулет.

Свечение трещин стало слабее.

Не исчезло, но стало слабее.

Я выдохнула.

— Окно открыть.

Женщина с ключами — та самая строгая экономка — ахнула.

— Молодому лорду нельзя холод!

— Ему нельзя душный пар и пять настоев сразу. Окно. Немного.

Никто не двинулся.

Я сама шагнула к окну, но Кайрен оказался быстрее. Резко распахнул узкую створку.

В комнату ворвался холодный воздух.

Травяной пар дрогнул и потянулся к потолку. Руэн судорожно вдохнул. Глубже, чем до этого.

— Вот так, — сказала я и вернулась к нему. — Молодец. Ещё раз.

Он не был молодцом. Ему было плохо. Но детям иногда нужно не врать про боль, а дать простую команду, которую они могут выполнить.

Я коснулась его лба.

Холодный.

Слишком холодный для такого приступа.

— У него нет жара.

— Стекло лхорадка горит внутри ядра, — сказал пожилой лекарь. — Тело может оставаться холодным.

— Значит, не называйте это обычной лихорадкой.

Он возмутился:

— Да как вы...

— Молчать, — сказал Кайрен.

Лекарь закрыл рот.

Я откинула край одеяла. На груди мальчика висел небольшой амулет — серебряный, с синим камнем в центре. Под ним кожа светилась сильнее, чем на шее.

Я не стала трогать амулет.

Пока.

— Что ему давали перед приступом?

Молчание.

Я подняла голову.

— Мне нужен список.

Один из лекарей нахмурился.

— Назначения утверждены Советом крови.

— Мне не важно, кто их утвердил. Что он получил за последний час?
Кайрен резко повернулся к ним.

— Отвечайте.

Пожилой лекарь сглотнул.

— Настой горькуши. Три капли сердечного эфира. Молоко с лунным корнем. Потом, когда начался звон, охлаждающий порошок.

Молоко.

Сладковатый запах.

Я наклонилась ближе к лицу мальчика. На губах действительно был тонкий сладкий след.

— Его вырвало?

— Нет, — сказала экономка. — Но он жаловался, что во рту горько.

— После молока?

Она кивнула и тут же будто испугалась, что сказала лишнее.

Я запомнила.

Руэн снова задышал чаще. Пальцы вцепились в простыню. Трещины у виска ярче засветились.

— Не надо... — прошептал он.

Все замерли.

Я опустила рядом на край кровати.

— Что не надо?

Его губы едва двигались.

— Звон...

Где-то глубоко в его груди действительно тонко звенело. Не ушами — кожей слышалось. Будто в маленьком теле трескалось невидимое стекло.

Кайрен сделал шаг, но я подняла руку, останавливая.

Не потому, что имела право.

Потому что сейчас лишнее движение могло напугать ребёнка.

— Руэн, слушай меня. Не борись со звоном. Просто дыши рядом со мной. Смотри.

Я вдохнула медленно.

Выдохнула.

Он попытался повторить. Не получилось. Горло свело спазмом.

Я повернула его чуть на бок, подложила под плечо сложенную ткань.

— Что вы делаете? — резко спросил один из лекарей.

— Открываю ему дыхание.

— Его ядро...

— Его ядро подождёт три секунды, пока ребёнок вдохнёт.

Руэн закашлялся. Хрипло, мучительно. Из уголка рта потекла слюна с тёмной примесью настоя.

— Ткань, — сказала я.

Экономка первая подала чистый платок.

Не лекарь. Не Кайрен.

Она.

Я аккуратно промокнула рот мальчика.

— Хорошо. Очень хорошо. Кашляй, если можешь.

Руэн слабо зажмурился.

— Больно...

— Знаю.

Кайрен вздрогнул от этого простого слова.

Я не стала говорить “не больно”. Не стала обещать, что всё пройдёт сразу. Дети чувствуют ложь быстрее взрослых.

— Будет ещё немного больно, — сказала я. — Но ты дышишь. Это главное.

Его маленькая рука вдруг нашла мой рукав и вцепилась в ткань.

Очень слабо.

Но сам.

В комнате никто не шевелился.

Даже Кайрен.

Я взяла Руэна за запястье, проверила пульс. Неровный. Частый, но уже не такой рваный.

— Все лишние чаши с паром убрать. Оставить одну. Грелки отодвинуть от кровати. Амулет над грудью больше не водить. И никто не даёт ему ничего пить, пока я не скажу.

— Вы не распоряжаетесь здесь, — процедил пожилой лекарь.

Я посмотрела на него.

— Тогда распоряжайтесь вы. Только объясните, почему мальчику стало легче, когда мы убрали половину вашего лечения.

Он побагровел.

Оррен, который всё это время стоял у двери, неожиданно кашлянул.

— Выполняйте.

Все обернулись.

Старый лекарь Аркхольда выглядел мрачнее тучи, но смотрел уже не на меня, а на Руэна.

— Светимость трещин снизилась, — сказал он. — Дыхание выровнялось. Выполняйте.

Это было не признание.

Но почти.

Комната пришла в движение. Убрали чаши, отодвинули грелки, открыли вторую узкую щель окна. Воздух стал легче.

Руэн постепенно перестал цепляться за простыню. Его пальцы всё ещё держали мой рукав.

Я сидела рядом и считала дыхание.

Раз.

Два.

Три.

Пауза.

Слишком длинная.

Потом вдох.

Снова.

Кайрен стоял у изголовья. Близко, но не касался сына, будто боялся, что одно неверное движение разрушит хрупкое улучшение.

Я заметила на его запястье чёрную печать траура. Она выглядывала из-под перчатки тонкой тёмной полосой.

Умершая жена.

Больной сын.

И я — в теле женщины, которую он считал виновной.

Прекрасная компания у детской кровати.

Руэн открыл глаза.

Серые. Большие. Уставшие.

Он посмотрел не на отца.

На меня.

— Вы... новая? — прошептал он.

Кайрен резко напрягся.

Я тоже.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я тихо.

Мальчик медленно моргнул.

— Голос... другой.

В комнате стало холоднее, хотя окно было всего лишь приоткрыто.

Кайрен посмотрел на меня так, будто я поднесла нож к горлу ребёнка.

— Руэн, — сказал он мягче, чем говорил со всеми нами вместе. — Не надо говорить.

Но мальчик уже снова смотрел на меня.

— Вы не пахнете... как тогда.

Пахнете.

Я сглотнула.

Дети замечают странное. Не магически. Просто честно. Взрослые видят имя, лицо, обвинение. Ребёнок слышит интонацию и запах рук.

— Сейчас я пахну грязной водой, дымом и чужой кровью, — сказала я. — Не лучший вариант, согласна.

Руэн едва заметно улыбнулся.

Очень слабая улыбка. Почти тень.

Но живая.

Кайрен увидел её.

И на мгновение его лицо стало таким, будто он забыл, как дышать.

Потом Руэн снова прикрыл глаза.

— Папа...

Кайрен сразу наклонился.

— Я здесь.

— Не злись.

Эти два слова ударили по нему сильнее любого обвинения.

Кайрен опустил руку на край кровати, рядом с пальцами сына, но не сжал их. Будто боялся причинить боль.

— Спи, — сказал он. — Я здесь.

— Лекарка... тоже?

Я почувствовала, как все взгляды снова легли на меня.

Кайрен медленно поднял голову.

В его глазах не было благодарности.

Только страх, подозрение и то, что страшнее обоих: необходимость.

Я сама не знала, хочу ли остаться. Тело ломило. Голова болела. А находиться рядом с Кайреном Моргардом было примерно как сидеть возле заряженного оружия.

Но маленькие пальцы всё ещё держали мой рукав.

— Да, — сказала я. — Я пока здесь.

Руэн выдохнул.

И заснул.

Не спокойно. Не глубоко. Но без хрипа.

Я осторожно высвободила рукав, но он тут же нахмурился во сне. Пришлось оставить руку там, где была.

Несколько минут никто не говорил.

Я продолжала считать дыхание. Пульс. Цвет губ. Светимость трещин.

Когда убедилась, что приступ отступил, повернулась к лекарям.

— Теперь мне нужен полный список всего, что ему дают. По времени. Еда, настои, амulette, порошки. Всё.

Пожилой лекарь возмутился:

— Это закрытые назначения дома Моргард.

— Значит, откроете.

— Да кто вы такая, чтобы...

— Женщина, которая только что не дала ему умереть.

Слова прозвучали в тишине слишком громко.

Я не собиралась говорить так резко. Но усталость стирала вежливость.

Кайрен медленно подошёл ко мне.

Все расступились.

Он остановился рядом с кроватью. Так близко, что я чувствовала от него холодный запах дыма.

— Выйдите, — сказал он.

Лекари замерли.

— Все.

Оррен посмотрел на меня, потом на Руэна и молча вышел. За ним остальные. Экономка задержалась на секунду, но Кайрен не повторил приказ. Она тоже ушла.

Дверь закрылась.

Мы остались втроём.

Спящий ребёнок.

Отец.

И я.

Кайрен смотрел на сына. Долго. Потом перевёл взгляд на меня.

— Что вы сделали?

— Помогла ему дышать.

— Не упрощайте.

— Я не упрощаю. Дыхание редко кажется важным, пока не исчезает.

Его челюсть напряглась.

— Почему амулет усилил приступ?

— Не знаю.

— Но вы это увидели.

— Да.

— Откуда?

Я устало прикрыла глаза на секунду.

Сказать правду? Что я врач из другого мира, где нет драконов, но есть реанимация, мониторы и дети, которых всё равно не всегда успеваешь спасти?

Он решит, что я лгу.

И будет прав — с его точки зрения.

— Я смотрела на ребёнка, — сказала я. — Не на амулет. Не на диагноз. Не на то, что написано в назначениях. На него.

Кайрен молчал.

— Ему стало хуже после воздействия. Лучше — когда воздействие убрали. Это не магия. Это наблюдение.

— В этом мире наблюдение тоже может быть ложью.

— Тогда проверьте меня. Только не на нём ценой его дыхания.

Он резко отвернулся.

Я видела, как у него под перчаткой сжалась рука.

— Вы не получите моего доверия, Вейн.

— Я и не прошу.

— Хорошо.

— Мне нужен список назначений.

— Нет.
Я посмотрела на него.
— Тогда в следующий раз зовите меня позже. Когда останется только красиво скорбеть.
Он резко повернулся.
На миг я подумала: всё. Договорилась.
Но в этот момент Руэн тихо шевельнулся и во сне снова нашёл мой рукав.
Кайрен увидел.
Его лицо стало закрытым.
— Вы получите список, — сказал он. — Но если хоть одна строка из него уйдёт за пределы этой башни...
— Я не шпион.
— Вы хуже. Вы загадка.
Он произнёс это почти с ненавистью.
Я устало усмехнулась.
— Поверьте, для себя я тоже не самый понятный случай.
Кайрен не оценил.
Он подошёл к двери, но перед тем как открыть, остановился.
— Сегодня вы останетесь под надзором у его постели. Только до утра.
Я кивнула.
— Хорошо.
— Не принимайте это за милость.
— Не собиралась.
Он уже открыл дверь, когда Руэн вдруг прошептал во сне:
— Мама говорила...
Кайрен замер.
Я тоже.
Мальчик дышал тихо, глаза закрыты, но губы двигались.
— Лекарка... вернётся другой...
В комнате стало так тихо, что я слышала, как за окном ветер скребётся о камень.
Кайрен медленно обернулся ко мне.
В его взгляде больше не было только ненависти.
Теперь там был страх.
— Что вы сказали ему? — спросил он.
— Ничего.
— Лжёте.
— Нет.
Руэн снова глубоко вдохнул и затих.
Кайрен шагнул ко мне.
— Откуда он это знает?
Я не ответила.
Потому что не знала.
Но где-то внутри чужого тела снова шевельнулась память. Женский голос. Слабый, умирающий. Тёплая ладонь на моей — не моей — руке.
«Если ты ещё можешь выбирать... выбери ребёнка».
Я посмотрела на спящего мальчика.
А потом на Кайрена.
— Думаю, — сказала я тихо, — это лучше спросить не у меня.
Кайрен смотрел так, будто готов был разорвать самую тишину, лишь бы найти в ней ответ.
За дверью кто-то прошептал молитву Первому Пламени.

А я впервые ясно поняла: болезнь Руэна была не просто болезнью.
И Лиара Вейн попала в эту комнату задолго до меня.

Глава 6. Допрос ректора

Руэн спал до рассвета.

Неровно, тревожно, иногда сжимая пальцами мой рукав, будто боялся, что я исчезну, если отпустит. Я почти не двигалась. Сидела рядом, считала дыхание и смотрела, как светящиеся трещинки под его кожей то бледнеют, то снова проступают тонкими линиями.

Кайрен не ушёл.

Он стоял у окна, потом у двери, потом снова у окна. Молчал. Только иногда подходил к кровати и смотрел на сына так, словно хотел проверить: жив ли.

Несколько раз я ловила его взгляд на себе.

Холодный.

Тяжёлый.

В нём уже не было только ненависти. Появилось что-то хуже — вопрос.

А на вопросы у меня не было ответов.

Когда за окном посветлело, Руэн наконец уснул глубже. Дыхание стало ровнее. Синеватый оттенок губ ушёл. Я осторожно высвободила рукав из его пальцев и поднялась.

Тело тут же напомнило, что героизм — плохая замена отдыху. Перед глазами потемнело. Я ухватилась за спинку кресла.

Кайрен оказался рядом слишком быстро.

Не поддержал. Просто встал так, чтобы я не упала.

— Вы едва держитесь на ногах, — сказал он.

— Наблюдательность у вас всё-таки есть.

— Не испытывайте моё терпение.

— Я и не знала, что оно ещё в палате.

Он посмотрел на меня так, что у любой нормальной женщины хватило бы ума замолчать.

У меня, видимо, нормальности осталось мало.

Дверь бесшумно открылась. Вошла Вейра Нокс — экономка, строгая женщина с ключами у пояса. Она посмотрела сначала на Руэна, потом на меня. Её лицо осталось каменным, но плечи чуть опустились, будто она всю ночь держала на них потолок.

— Молодой лорд? — тихо спросила она.

— Спит, — ответила я. — Не будите. Воздух оставить свежим. Чаши с паром не возвращать. Питьё — только маленькими глотками, когда проснётся. И мне нужен список всего, что он получал вчера.

Вейра посмотрела на Кайрена.

Тот кивнул.

Едва заметно.

Для неё этого хватило.

— Будет сделано.

Я почти усмехнулась. Вчера меня отсюда готовы были выкинуть за одно слово. Сегодня уже “будет сделано”.

Не доверие.

Страх.

Но в медицине иногда и страх помогает соблюдать назначения.

— Вейн, — сказал Кайрен. — Со мной.

Я взглянула на Руэна.

— Я должна быть рядом, если приступ повторится.

— Вейра останется. Оррен тоже.

— Оррен заснул стоя у двери час назад.

— Его разбудят.

— Прекрасная система.

Кайрен сделал шаг к двери.

— Сейчас.

Спорить было бессмысленно. И опасно. Я поправила край одеяла у Руэна, проверила лоб — по-прежнему холодный — и пошла следом.

Коридоры башни были тише, чем лекарское крыло. Здесь не пахло кровью и старым дымом. Здесь пахло воском, дорогими травами и холодным камнем. Слуги, встречая Кайрена, отступали к стенам. На меня они смотрели украдкой, как на пятно, которое кто-то забыл вывести.

Кабинет ректора оказался большим и почти пустым.

Чёрный стол. Военные карты на стене. Узкое окно с видом на пропасть. На полках — книги и свитки. В камине горел тёмный огонь. Не красный. Почти чёрный, с серебряными искрами.

Кайрен закрыл дверь.

Щёлкнул замок.

Я обернулась.

— Обязательно?

— Да.

— Боишься, что сбегу через окно?

— Я не знаю, на что вы способны.

— Я тоже. Удобно, правда?

Он подошёл к столу, но не сел.

— Что сказал Руэн?

— Вы слышали.

— Повторите.

Я устало провела рукой по лицу.

— “Мама говорила... лекарка вернётся другой”.

Кайрен не моргнул.

— Откуда он мог это знать?

— Я не знаю.

— Неправильный ответ.

— Зато честный.

Он медленно снял перчатку с левой руки.

На запястье чернела печать. Не браслет, не татуировка. Ожог, в котором иногда шевелился тусклый огонь. Траур. Память о мёртвой жене, которую он носил на коже.

— Элисса никогда не говорила случайных фраз, — произнёс он. — Особенно перед ребёнком.

Имя прозвучало иначе, чем остальные слова.

Тише.

Опаснее.

— Может, она знала что-то, чего не знали вы.

Кайрен поднял глаза.

Я поняла, что зашла слишком далеко.

Но отступать было поздно.

— Осторожнее, Вейн.

— Я не пытаюсь задеть вас.

— Вы делаете это каждый раз, когда открываете рот.

— Возможно, потому что вам не нравится слушать.

Он усмехнулся. Без радости.

— Вы думаете, одна ночь у постели моего сына дала вам право говорить со мной так?

— Нет. Мне его дала профессия.

— Профессия?

— Я лекарь.

— Вы опальная лекарка, обвинённая в смерти моей жены.

— И всё равно ваш сын дышал под моей рукой.

Слова повисли между нами.

Кайрен сжал снятую перчатку так, что кожа скрипнула.

— Вот поэтому вы ещё живы.

Я замолчала.

Вот оно.

Ни благодарности. Ни доверия. Просто расчёт.

Ему нужны мои руки.

А я пока нужна им живой.

Кайрен подошёл ближе.

— Вы изменились.

— Мне уже говорили.

— Лиара Вейн была осторожнее. Лживее. Мягче, когда хотела добиться своего. Вы грубите даже тогда, когда вам страшно.

— Может, я плохо воспитана.

— Не играйте.

— Я не играю.

— Тогда объясните.

Я посмотрела в окно. За стеклом Аркхольд просыпался: где-то внизу звенел колокол, по мосту шли студенты, над дальней башней медленно кружила крылатая тень.

Объяснить.

Как?

“Здравствуйте, я умерла в другом мире и проснулась в теле женщины, которую вы ненавидите. В вашем мире есть драконы, магия и ребёнок с болезнью, похожей на проклятие, но лечите вы его так, будто все сговорились не видеть очевидного”.

Звучало убедительно. Особенно для мужчины, который готов отправить меня на магический суд.

— Я не помню, — сказала я.

— Удобно.

— Да, очень. Особенно когда меня ненавидят за то, чего я не помню, и ждут, что я объясню слова мёртвой женщины.

Он приблизился ещё на шаг.

— Что вы помните о смерти Элиссы?

Перед глазами вспыхнуло синее.

Флакон.

Женские пальцы.

Кровь на белой ткани.

Я схватилась за край стола.

Кайрен сразу заметил.

— Говорите.

— Обрывок. Не память даже. Голос. Флакон. Фраза: “не ему, только не ребёнку”.

Его лицо стало неподвижным.

— Чей голос?

— Женский.

— Элиссы?

— Не знаю.

— Лиары?

— Не знаю!

Я сорвалась. Голос ударился о стены кабинета.

Кайрен молчал.

Я выдохнула медленнее.

— Я не знаю, кем была Лиара Вейн. Я не знаю, что она делала. Не знаю, врала ли вам, предавала ли, брала ли золото, подмешивала ли что-то вашей жене. Я знаю только то, что знаю сейчас: ваш сын болен. Его лечат неправильно. И кто-то очень постарался, чтобы мне было невозможно открыть рот без того, чтобы все вспомнили Элиссу.

— Вы хотите, чтобы я пожалел вас?

— Нет.

— Чего же?

— Доступ к назначениям Руэна. И право останавливать то, что ему вредит.

Кайрен посмотрел на меня так, будто я попросила ключи от империи.

— Вы много хотите.

— Ваш сын мало дышит.

Удар был жестокий.

Но честный.

Он отвернулся к камину. Чёрное пламя дрогнуло, стало выше.

— Вы дадите клятву.

Я напряглась.

— Какую?

— Клятву крови. Что не причините Руэну вреда. Сознательно или по сговору. Что не передадите сведения о его состоянии врагам дома Моргард. Что не используете доступ к нему для побега.

Браслет на моём запястье будто потяжелел.

— И если я откажусь?

— Тогда вас вернут в нижнюю камеру до решения Совета.

— А Руэн?

Кайрен молчал.

Я поняла.

Он не хотел этого. Но мог.

Закон, долг, страх — все они были для него привычнее доверия.

— Хорошо, — сказала я.

Он повернулся.

— Хорошо?

— Первое — не причиню Руэну вреда сознательно. Второе — не передам сведения врагам, если буду знать, что они враги. Третье — не использую доступ к ребёнку для побега.

— “Если буду знать”?

— Я не собираюсь клясться в том, чего не могу контролировать. В этом мире я не знаю почти никого. Я могу не распознать врага вашего дома, если он подойдёт ко мне с чашкой воды и приличной улыбкой.

Кайрен чуть прищурился.

— Вы торгуетесь с клятвой?

— Я формулирую. Это разные вещи.

На его лице впервые мелькнуло что-то почти живое.

Не улыбка.

Скорее раздражённое удивление.

— У вас хватит наглости спорить даже с магией?

— С неправильной формулировкой — всегда.

Он подошёл к столу, достал из ящика тонкий серебряный нож и тёмную пластину с выгравированным драконом.

— Положите руку.

— Это больно?

— Да.

— Спасибо за честность.

Я положила ладонь на пластину.

Кайрен взял мою руку. Его пальцы были холодными даже без перчатки. Он сделал маленький надрез на моём пальце. Кровь выступила сразу — ярко-красная, обычная до неприличия в мире, где всё пыталось быть магическим.

Пластина под рукой нагрелась.

— Повторяйте, — сказал он.

Я повторяла.

Слова были странные, тяжёлые, будто каждое цеплялось за язык. Когда я произнесла имя Руэна, пластина вспыхнула слабым белым светом.

Кайрен замер.

— Что это?

— Вы меня спрашиваете?

Он не ответил.

Свет исчез так быстро, что можно было решить: показалось.

Но я видела.

И он видел.

Кайрен продолжил клятву.

Когда дошли до слов о прошлом Лиары — он добавил сам:

— И поклянитесь, что не участвовали в убийстве Элисы Моргард.

Я подняла глаза.

— Нет.

Тишина стала ледяной.

— Нет? — повторил он.

— Я не могу.

Чёрное пламя в камине резко взметнулось.

— Почему?

— Потому что я не знаю.

— Значит, боитесь, что клятва сожжёт вас?

— Я боюсь соврать магии, которая, судя по всему, не любит неточности.

Он шагнул ко мне.

— Удобная осторожность.

— Нет. Единственно честная. Я, Анна...

Я осеклась.

Слишком поздно.

Кайрен услышал.

— Что?

Сердце ударило в горло.

— Ничего.

— Вы сказали имя.

— Вам слышалось.

— Не лгите мне после клятвы, Вейн.

Пластина под моей рукой снова нагрелась.

Я медленно убрала ладонь.

— Я не могу поклясться за прошлое, которого не помню. Могу поклясться за то, что сделаю теперь. Этого достаточно или возвращайте меня в камеру.

Он смотрел на меня долго.

Очень долго.

Потом убрал нож.

— Клятва принята частично.

— Звучит обнадеживающе.

— Не радуйтесь. Частичная клятва защищает Руэна. Но не защищает вас.

— Меня в этом мире вообще мало что защищает.

— Вы сами выбрали говорить правду только наполовину.

Я устала настолько, что спорить стало нечем.

— А вы выбрали ненавидеть меня целиком.

Он не ответил.

И почему-то именно молчание оказалось самым тяжёлым.

Дверь открылась после короткого стука. Вошёл Дрейн.

— Лорд Моргард. Мастер Фальк просит передать: молодой лорд проснулся. Дыхание ровное. Спрашивал... лекарку.

Последнее слово капитан произнёс с заметным усилием.

Кайрен закрыл глаза на одну секунду.

Когда открыл — снова был ректором.

— Вейн вернётся в лекарское крыло. Под надзором. К Руэну — только по моему приказу.

Я вскинула голову.

— Но он просил...

— По моему приказу.

Всё.

Стена снова встала между нами.

Дрейн жестом указал на дверь. Я пошла, потому что спорить сейчас значило потерять даже то малое, что удалось получить.

Уже в коридоре Кайрен сказал мне вслед:

— Вейн.

Я остановилась.

— Ещё одна тайна — и я сам отведу вас на Суд Пламени.

Я не обернулась.

— В очередь, лорд Моргард.

Дрейн тихо выдохнул — то ли от ужаса, то ли от усталости.

До лекарского крыла мы шли молча.

Риан всё ещё спал. Мира сидела у его стола с таким видом, будто боялась моргнуть неправильно. Увидев меня, вскочила.

— Госпожа! Вы...

— Жива, — сказала я. — Пока это мой главный навык.

Она неуверенно улыбнулась.

Я дошла до своей комнаты и только там позволила себе опереться о дверь. Руки дрожали. Палец, надрезанный для клятвы, ныл. На запястье браслет опальной светился слабее обычного, будто тоже устал.

На столе лежал сложенный клочок бумаги.

Я точно помнила: утром его там не было.
Некоторое время я просто смотрела на него.
Потом развернула.
Почерк был тонкий, аккуратный, почти красивый.
Всего одна строка:
«Второй раз ребёнка ты не спасёшь».
Я перечитала её дважды.
Потом медленно сжала бумагу в кулаке.
За стеной кашлянул Риан. В коридоре Мира что-то тихо уронила. Где-то далеко, в башне ректора, жил и дышал ребёнок, которого кто-то уже считал почти мёртвым.
Я закрыла глаза.
Паника потом.
Страх потом.
Сначала — найти, кто прислал записку.

Глава 7. Лекарское крыло

Записку я не показала никому.

Не потому, что решила геройствовать. Глупых героев я насмотрелась достаточно — чаще всего они заканчивали на операционном столе или под простынёй.

Просто пока у меня была одна строка на клочке бумаги и ни одного доказательства.

«Второй раз ребёнка ты не спасёшь».

Я перечитала её ещё раз, потом спрятала под матрас.

Если отдать Кайрену, он запрут меня. Если отдать Оррену, он велит не лезть. Если сказать Мире, она будет дрожать так, что уронит всё лекарское крыло.

Значит, сначала — факты.

Утро началось с ведра.

Я поставила его посреди главного зала, засучила рукава и сказала:

— Всё грязное — сюда. Всё чистое — на тот стол. Всё непонятное — ко мне.

Мира моргнула.

Оррен Фальк, который пил настой у окна и выглядел так, будто ненавидел само существование утра, медленно повернул голову.

— Простите?

— Грязные повязки лежат рядом с чистыми. Слякоти без подписей. Инструменты после крови стоят возле трав. Это не лекарское крыло, а приглашение умереть.

Мира испуганно посмотрела на Оррена.

Оррен поставил кружку.

— Вейн, вы здесь под надзором, а не с полномочиями устраивать переворот.

— Тогда считайте это не переворотом, а уборкой.

— Уборкой?

— Да. Самая недооценённая медицинская процедура.

Он смотрел на меня долго. Потом перевёл взгляд на Риана Марна, который всё ещё лежал у окна. Бледный, слабый, но живой.

— Мира, — буркнул Оррен. — Делай, что она сказала.

Девушка чуть не выронила стопку белья.

— Правда?

— Пока я не передумал.

Я не стала улыбаться. Рано.

Мы начали с повязок.

Грязные — в отдельный чан. Чистые — на полку, закрыть тканью. Сомнительные — в кипяток. Мира сначала боялась брать что-либо без разрешения, но постепенно втянулась. Она оказалась быстрой и внимательной. Не знала, почему нужно разделять, зато запоминала с первого раза.

— Это сюда? — спросила она, показывая серую ткань.

— В кипяток.

— А если она была чистая?

— После кипятка будет точно.

Оррен фыркнул.

— Скоро вы прикажете кипятить самих пациентов.

— Только особо упрямых.

Мира прыснула и тут же испугалась собственного смеха.

Оррен сделал вид, что не заметил.

Потом были инструменты.

Я попросила таз, кипяток, чистую ткань, щипцы и отдельную полку. Оррен сначала ворчал о порче стали, древних правилах и том, что «так никто не делает». Потом молча принёс ещё один лоток.

Это было почти согласие.

— Все ножи после ран — сюда, — сказала я Мире. — Не на стол. Не к травам. Сразу сюда.

— А если мастер Фальк...

— Мастер Фальк хочет, чтобы пациенты жили.

Оррен из соседней комнаты сказал:

— Не приписывайте мне чрезмерный оптимизм.

Но лоток не забрал.

К полудню лекарское крыло стало выглядеть не лучше, зато честнее. Грязь уже нельзя было принять за порядок. Она лежала кучами, ждала стирки, кипячения, выброса или хотя бы признания, что она грязь.

И это было начало.

Риан проснулся ближе к полудню. Слабый, хриплый, злой.

— Я умер? — спросил он, не открывая глаз.

— Нет.

— Жаль. Голова болит так, будто умер.

— Поздравляю, вы живы.

Он приоткрыл один глаз. Увидел меня. Напрягся.

— Вы.

— Я.

— Мне сказали, вы меня лечили.

— Грубая клевета. Я мешала вам умереть.

Он попытался усмехнуться, но поморщился.

— Ашер сказал, вы спорили со всеми.

— Ашер — это рыжий с характером табуретки?

Мира уронила ложку.

Риан слабо хмыкнул.

— Его за такое могут вызвать на дуэль.

— Я не дерусь с пациентами.

— Он не пациент.

— С его манерой поведения — вопрос времени.

Риан снова попытался улыбнуться. Потом закашлялся.

Я сразу наклонилась, проверила дыхание. Не идеально, но лучше. Пульс ровнее. Свечение под кожей почти ушло, только у плеча оставались тусклые красные линии.

— Воду маленькими глотками. И не геройствовать.

— Я не герой.

— Отлично. Выживете дольше.

Он посмотрел на меня странно. Не доверчиво. Нет. Скорее так, будто не понимал, зачем я вообще с ним разговариваю как с человеком.

Потом тихо сказал:

— У людей вроде меня нет права долго лежать в лекарском крыле.

Я замерла.

— Почему?

Он отвёл взгляд.

— Потому что место нужно тем, у кого фамилия длиннее.

Мира у стола стала очень занята простынями.

Оррен, кажется, тоже услышал, но промолчал.

Я поправила повязку на руке Риана.

— Пока я здесь, место нужно тому, кто дышит хуже.

— Вас за это возненавидят.

— Меня уже. Экономим время.

Он закрыл глаза.

— Спасибо, госпожа Вейн.

Я не успела ответить.

В дверях появился Дрейн Хольт.

За ним — двое стражников и женщина с подносом, на котором стояли запечатанные флаконы.

Все разговоры стихли.

Дрейн оглядел перевёрнутое лекарское крыло. Вёдра. Чаны. Разложенные повязки. Кипящие инструменты.

— Что здесь произошло?

— Медицина, — сказала я.

— Похоже на обыск.

— Иногда это одно и то же.

Он посмотрел на Оррена.

Тот пожал плечами.

— Пациенты почему-то живы. Я пока наблюдаю.

Дрейн явно решил, что спорить бессмысленно.

— Из башни ректора. Назначения молодого лорда. По приказу лорда Моргарда — копия для вас.

Женщина поставила поднос на стол и тут же отступила, будто флаконы могли взорваться.

Я подошла.

На каждом флаконе стояла серебряная печать дома Моргард. Под ней — маленький синий знак. Сайр? Или знак комиссии? Я пока не знала.

— Это всё давали Руэну?

— Часть утренних назначений, — ответил Дрейн. — Остальное принесут позже.

Оррен подошёл ближе.

Я взяла первый флакон. Прозрачная жидкость, резкий травяной запах. Второй — густой янтарный настой. Третий — молочно-белая смесь.

Я задержала дыхание.

Сладковатый запах.

Тот самый.

Не полностью. Слабее. Но похож.

— Что это?

Оррен посмотрел на этикетку.

— Молоко с лунным корнем и успокоителем ядра. Его дают детям с нестабильным пламенем.

— Кто готовит?

— Поставки идут через кладовую. Часть — из башни, часть — из внешней аптеки Совета.

— Кто отвечает за кладовую?

Дрейн ответил:

— Брант Остер.

— Мне нужно его увидеть.

Дрейн прищурился.

— Сейчас?

— Да.

— Вы получили список, Вейн, а не право допрашивать персонал.

Я подняла флакон на свет.

Внутри у дна был осадок. Тонкий, почти незаметный. Серебристо-синий, как пыль.

— Тогда сами посмотрите.

Он подошёл ближе.

Оррен тоже.

— Осадок, — сказал старый лекарь.

— Должен быть?

Оррен нахмурился.

— Нет.

Дрейн взял флакон осторожно, двумя пальцами.

— Это подделка?

— Пока не знаю, — сказала я. — Но вчера у Руэна был приступ после похожего напитка.

И во рту оставался этот запах.

Дрейн замолчал.

Его лицо ничего не выражало, но я видела: он услышал.

— Флакон запечатан печатью Моргардов, — сказал он.

— Печать не делает содержимое безопасным.

— Делает его официальным.

— Мёртвому ребёнку будет всё равно, насколько официально он умер.

Мира тихо всхлипнула.

Дрейн посмотрел на меня жёстко.

— Осторожнее.

— Я уже очень осторожна. Поэтому не даю это пить ребёнку.

Оррен взял флакон, покрутил на свет.

— Нужно сравнить с запасом из кладовой.

— Именно.

Дрейн помолчал, потом коротко приказал одному из стражников:

— Привести Остера.

Стражник ушёл.

Мира стояла у полки и смотрела на флакон так, будто в нём сидела змея.

— Мира, — позвала я.

Она вздрогнула.

— Да?

— Ты видела, кто приносил такие флаконы раньше?

Девушка сразу побледнела.

Слишком быстро.

— Я... не знаю, госпожа.

— Не знаешь или боишься сказать?

Она опустила глаза.

Оррен тихо кашлянул.

Дрейн стал внимательнее.

Мира сжала пальцы в кулак так сильно, что костяшки побелели.

— Их часто приносили не через нас, — прошептала она. — Иногда прямо в башню.

Иногда ночью. Я не должна была смотреть.

— Кто приносил?

— Я не видела лица.

— А что видела?

Она молчала.

Дрейн шагнул к ней.

— Говори.

Мира едва не заплакала.

Я повернулась к нему.

— Не так.

— Она свидетель.

— Она напуганная служанка. Разница есть.

Дрейн посмотрел на меня, но отступил на полшага.

Я подошла к Мире.

— Посмотри на меня. Я не прошу тебя обвинять кого-то. Просто вспомни деталь. Рукав.

Голос. Запах. Печать.

Она подняла глаза. В них стоял страх.

— Серебряная перчатка, — сказала она наконец. — Или... не перчатка. Манжета. Светлая. С тонкой синей вышивкой. И запах дыма. Не кухонного. Лекарского.

Оррен напрягся.

Дрейн тоже.

— Дом Сайр? — спросила я.

Мира зажмурилась.

— Я не говорила!

— Хорошо. Ты не говорила.

Она кивнула быстро, благодарно и испуганно одновременно.

В этот момент в дверях появился Брант Остер.

Кладовщик оказался низким плотным мужчиной с гладко зачёсанными волосами и слишком чистыми руками для человека, работающего с ящиками и травами. На его лице была готовая обида — удобная, заранее приготовленная.

— Меня звали?

Дрейн показал на флакон.

— Это из твоей кладовой?

Брант посмотрел и сразу ответил:

— Если печать стоит, значит, прошло через учёт.

Слишком быстро.

Я взяла другой флакон с подноса.

— А содержимое вы проверяете?

Он смерил меня взглядом.

— Госпожа Вейн, кладовщик не нюхает лекарство, которое утверждено Советом.

— Зря. Иногда нос полезнее печати.

Его улыбка стала неприятной.

— Мне говорили, вы изменились. Но не говорили, что стали ещё дерзче.

— Мне тоже много что говорили. Например, что здесь всё под контролем.

Брант посмотрел на Дрейна.

— Капитан, я не обязан терпеть обвинения от опальной.

— Пока вас никто не обвиняет, — сказал Дрейн. — Пока спрашивают.

— Тогда отвечаю. Поставки приходят запечатанными. Я принимаю по списку. Выдаю по требованию башни или мастера Фалька. Если госпожа Вейн хочет искать яд, пусть ищет среди тех, кто составляет назначения.

Оррен медленно поднял голову.

— Осторожнее, Брант.

— Я всего лишь говорю правду, мастер.

Правду он не говорил.

Такие люди обычно не лгут прямо. Они раскладывают слова так, чтобы между ними никто не нашёл нож.

Я поставила флакон на стол.

— С сегодняшнего дня всё, что идёт к Руэну, проходит через запись. Время, кто принёс, кто выдал, кто получил.

Брант рассмеялся.

— С сегодняшнего дня?

— Да.

— По чьему приказу?

Я посмотрела на Дрейна.

Тот долго молчал. Потом сказал:

— По приказу ректора будет оформлено позже. До того — по моему распоряжению.

Брант перестал улыбаться.

Маленькая победа.

Очень маленькая.

Но в этом мире, кажется, даже маленькие победы стоили крови.

День прошёл в записях.

Мира выводила буквы медленно, почти с мукой. Я диктовала просто: имя пациента, время, жалобы, что дали, кто дал, что изменилось. Оррен сначала ворчал, потом сам добавил колонку “эфирная реакция”. Я не знала, что это значит, но место оставила.

Риан к вечеру попросил есть. Это был хороший знак.

Брант исчез в кладовой и до конца дня больше не показывался.

Дрейн забрал подозрительный флакон, но я успела оставить у себя пару капель на чистой ткани. Не знала ещё, как проверю, но выбрасывать улику было нельзя.

К ночи лекарское крыло затихло.

Мира ушла стирать повязки. Оррен задремал в кресле над журналом. Риан спал. Я сидела в своей маленькой комнате и смотрела на две вещи.

Записку.

И ткань со сладковатым следом молочного настоя.

Обе пахли опасностью.

Когда за стеной что-то грохнуло, я сначала решила, что упала полка.

Потом услышала ещё один удар.

И звон стекла.

Я выскочила в главный зал.

Шкаф с травами был перевернут. Скрепки разбиты, сухие листья рассыпаны по полу, горький запах смешался с резким дымом.

На камне, прямо перед перевернутым шкафом, был нарисован знак.

Синий дракон и раскрытая книга.

Порошок ещё слабо светился в темноте.

Дом Сайр.

За моей спиной тихо ахнула Мира.

А потом в дальнем коридоре кто-то очень осторожно закрыл дверь.

Глава 8. Зал Крыльев

Дверь в дальнем коридоре закрылась так тихо, что этот звук мог бы потеряться среди ночного ветра.

Но я услышала.

Мира тоже.

Она стояла за моей спиной, прижав ладонь ко рту, и смотрела на синий знак на полу. Порошок светился слабо, будто кто-то рассыпал холодные угли.

Синий дракон.

Раскрытая книга.

Дом Сайр.

Я присела рядом, но не коснулась порошка. После записки и странного молочного настоя у меня наконец-то начало складываться неприятное правило: в этом мире всё красивое лучше сначала считать ядом.

— Не трогай, — сказала я Мире.

Она быстро кивнула.

— Это они?

— Не знаю.

— Но знак...

— Знак можно нарисовать чужой рукой.

Мира посмотрела на меня с ужасом.

— Зачем?

Я поднялась.

— Чтобы мы смотрели туда, куда нам показывают.

Оррен, разбуженный шумом, вышел из своего угла в халате и с таким лицом, будто готов был лечить весь мир одним раздражением.

— Что ещё?

Потом увидел шкаф.

И знак.

Ругательство вышло у него короткое, но очень выразительное.

Через десять минут в лекарском крыле уже стоял Дрейн Хольт. Ещё через двадцать — Кайрен Моргард.

Он вошёл без плаща, в чёрной форме, с лицом человека, которого подняли не с постели, а с войны. Его взгляд сразу прошёл по перевёрнутому шкафу, разбитым склянкам, порошку на полу и остановился на мне.

Конечно.

На ком же ещё.

— Объясните, — сказал он.

Я скрестила руки на груди.

— Кто-то перевернул шкаф с травами, разбил запасы и нарисовал знак Сайров. За пять минут до этого я слышала дверь в дальнем коридоре.

— Вы видели человека?

— Нет.

— Удобно.

— Не начинайте.

Дрейн каш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.